Текст · 3 апреля 2019, 07:28
Анастасия Алексеева,

«Не помогала вывозить навоз». История студентки из Чувашии, которая пыталась прогнать со двора пьяных соседей, а оказалась в суде

В Чувашии суд приговорил к трем годам условно 21-летнюю студентку Анастасию Раймову, которую обвиняли в том, что она умышленно ранила односельчанина ножницами. Сама Раймова говорит, что просто пыталась вырваться из рук пьяного соседа, который схватил ее за куртку, угрожал и наносил побои. Сосед в конце концов признал, что бил девушку (это же признал и мировой суд), но прокурор ему не поверил.

— Ты сама к ним вышла.

— Я хотела, чтобы они ушли с моего двора. Я боялась, что они мою мать тронут.

— Ты почему ее домой не завела? Домой бы завела, сказала — все, товарищи, поздно.

— Я так и сказала: все, поздно...

— Ты пырнула человека ножницами!

— Потому что он ко мне подскочил и начал мне угрожать.

— А зачем ты допустила, что он за куртку схватил?

— Он сам ко мне подскочил, схватил за куртку и начал меня бить. Я не могла от него...

— Насть, понятно все. Тут ты ничего не докажешь. Честно, ничего не докажешь уже.

Этот разговор 21-летней студентки Анастасии Раймовой и дознавателя МВД по фамилии Аристархов произошел 29 декабря прошлого года. В тот день она приехала в отдел полиции по Ибресинскому району Чувашии, чтобы ознакомиться с материалами своего уголовного дела — студентку обвиняют в нанесении односельчанину тяжких телесных повреждений.

Адвокат опаздывал. Пока он ехал в отдел, Анастасия отдала дежурному очередное заявление о побоях и угрозах со стороны Алексея Филиппова — того самого человека, который считается потерпевшим по ее делу. Она говорит, что такие заявления писала уже не раз, но их не принимали, жаловалась на это в прокуратуру — но и там результата не было. Именно поэтому Раймова решила записать разговор с полицейским на диктофон (аудиозапись есть в распоряжении редакции).

На этот раз заявление зарегистрировали, и почти два часа, пока не приехал адвокат, дежурный дознаватель Аристархов расспрашивал о нем Раймову. Записанные ответы он печатал на компьютере, а когда показал ей экран, вспоминает девушка, она увидела, что некоторые фрагменты были скопированы с других допросов свидетелей и потерпевшего. Когда Анастасия попросила это исправить, дознаватель признался:

— Честно скажу, ко мне тебя отвели, чтобы я тебя задержал. Чтоб ты никуда не убежала, пока у тебя адвокат подошел. Ты на вопросы сидела и отвечала, чтобы было основание тебя здесь удерживать.

Это было нужно следователю отдела МВД по Ибресинскому району Сергею Домикову, который вел ее дело, объясняет Раймова. Он опасался, что студентка уйдет, не дождавшись адвоката, и не успеет закончить ознакомление с делом — а это значит, что он не успеет передать дело в прокуратуру до Нового года и не сможет включить его в годовой отчет.

Насте 21 год, у нее темные волнистые волосы и очки с сильными линзами. Рассказывая свою историю, она почти не волнуется, как будто полностью уверена в своей правоте. Выросла в деревне Чувашские Тимяши, поехала в Чебоксары поступать в вуз и теперь учится в Чувашском государственном педагогическом университете (ЧГПУ).

В сентябре начался ее последний курс бакалавриата на факультете истории, управления и права — и тут сначала умер ее отец, а затем из-за спора с

пьяным односельчанином студентка оказалась в суде по обвинению в тяжком преступлении.

«Я испугалась и не поняла, как все произошло»

Чувашские Тимяши находятся в 120 км от Чебоксар. «На берегу реки Хома находится эта деревня. Красиво смотрится издалека», — говорится на сайте поселения. По официальным данным, там сейчас живет почти тысяча человек, но на самом деле меньше — многие мужчины месяцами находятся в Москве на заработках. До своей смерти в сентябре 2018-го отец Насти тоже часто уезжал, поэтому ее мать Надежда Раймова не раз просила соседей помочь по хозяйству — семья держала кур и корову, высаживала огород. Ей всегда помогали, тем более после того, как ее муж скончался.

17 октября Надежда попросила пятерых односельчан помочь ей вывезти навоз. С помощью тракториста они загрузили три прицепа. Каждый из загруженных навозом прицепов отмечали бутылкой самогона. После окончания работ хозяйка пригласила помощников во двор, чтобы угостить их и там. Снова пили самогон.

Фото Игоря Соколова

Гости сидели на скамейках перед домом, их одолжили у соседей для поминок и не успели вернуть. Опьянев, гости стали шуметь, и это начало мешать студентке Раймовой, которая находилась внутри дома и готовилась к экзаменам. Она приехала из

Чебоксар на 40 дней после смерти отца, а потом на некоторое время осталась с матерью.

Когда девушка вышла на крыльцо и сделала им замечание, часть гостей ушла, остались только двое друзей — Алексей Чугаров и Алексей Филиппов. Вместе с ее матерью Надеждой они продолжили сидеть на скамейке под окнами и выпивать. С этого момента описания событий свидетелями, которых допрашивали на следствии, начинают расходиться.

Настя Раймова говорит, что попросила мать, зашедшую в дом, больше не наливать гостям, чтобы они наконец-то ушли. Но та ответила, что не может их прогнать, взяла еще самогона и вышла во двор. Через несколько минут Настя накинула на плечи хозяйственную куртку, в которой она обычно работала в огороде, чтобы зайти в туалет во дворе. Она снова попыталась прогнать засидевшихся гостей.

Алексею Филиппову такая дерзость не понравилась. «Она моложе меня и у нее должно было быть хоть какое-то уважение ко мне», — говорил он во время следствия. Он схватил девушку за ворот куртки и стал отчитывать ее, как сказано в протоколе, «что та сидела целый день дома, при этом ни разу к нам не вышла и не помогла вывозить навоз».

Филиппов, по словам девушки, несколько раз ударил ее по плечу, пригрозил свернуть ей шею и переломать руки и ноги. Настя испугалась: она знала, что Филиппов в юности был осужден за изнасилование — он этого и не скрывал, а в материалах дела этот факт тоже подтверждается.

«Я пыталась вырваться от него и кричала, чтобы он отпустил меня, отталкивала его от себя, — рассказывала Раймова следователю. — В это время засунула обе руки в карманы куртки и, почувствовав в одном из карманов какой-то предмет, вытащила и им оттолкнула Филиппова. Я тогда сильно испугалась и не поняла, как все произошло. Но Филиппов по-прежнему стоял и держал меня за правый ворот одежды, ругался, наносил удары. С трудом я сумела вырваться и зашла в дом».

Дома Настя положила предмет, который сжимала в руках, на подоконник — это оказались ножницы, которыми она срезала петрушку в огороде и оставила в кармане куртки. Крови на лезвиях она не заметила. Сам Филиппов говорил на следствии, что ножницы он не распознал, видел только какой-то предмет металлического цвета.

Через несколько минут Чугаров и Филиппов все-таки ушли со двора — точнее, по словам свидетелей, Филиппов уехал на велосипеде. По пути домой он заглянул к Валерию Раймову, двоюродному брату отца Насти, и живущей вместе с ним Нине Александровой — они тоже помогали грузить навоз, но ушли до начала ссоры.

«Филиппов зашел, присел перед иконой и перекрестился, сказав, что Анастасия Раймова ударила его ножом в живот, – рассказывал в суде Валерий Раймов, – задрал рубашку, а там нет ничего». При этом мать Алексея Филиппова говорит, что вернувшийся домой сын буквально истекал кровью; она показала полицейским куртку, на которой

были обнаружены пятна бурого цвета и два узких отверстия в ткани.

Пострадавшего Филиппова увезли в Канашский медицинский центр, где у него зафиксировали проникающее ранение живота без повреждения внутренних органов со скудным скоплением крови — эти повреждения врачи квалифицировали как причинение тяжкого вреда здоровью. На следующий день, 18 октября, Раймова рассказала полицейским, как все произошло, и отдала им ножницы. По ее словам, уже тогда она говорила о побоях и угрозах, но в объяснения это не внесли — только то, что девушка ударила ножницами кричавшего на нее мужчину.

Через месяц, 12 ноября, следователь Сергей Домиков возбудил уголовное дело об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью с помощью предмета, использованного в качестве оружия (пункт «з» части 2 статьи 111 УК — до 10 лет лишения свободы).

«Накажи ее!». Следствие

Уже полгода Раймова находится под подпиской о невыезде из региона и надлежащем поведении. Ее интересы представляют нанятые родными адвокаты Виктор Мандрюков и Анатолий Тимофеев. Обвинение по такой тяжелой статье, считает защитник Тимофеев, объясняется желанием следователя заработать новое звание или улучшить статистику раскрытием серьезного преступления, а не легкого превышения необходимой самообороны.

«Ну что такое — раскрыли преступление небольшой тяжести, — рассуждает адвокат. — Ну какая слава? Тьфу, ерунда. А тут оно у них по графе идет отдельной. Сколько раз мы эти вопросы поднимаем! Суды у нас загружены очень сильно, потому что как правило органы предварительного следствия дают неправильную квалификацию совершенному лицом деянию. Просматриваются, например, обычное нанесение побоев и кража — нет, они квалифицируют как разбойное нападение. Ни обвиняемый, ни защита не могут согласиться с данной квалификацией, не могут пойти на особый порядок. Вот и затягивается процесс».

22 декабря Раймовой предъявили обвинение, именно тогда с нее и взяли подписку о невыезде. Следователь Сергей Домиков, торопившийся передать дело в прокуратуру до сдачи годового отчета, потребовал, чтобы уже 28 декабря она пришла к нему и ознакомилась с материалами дела. Но в тот день Насте, у которой развился острый конъюнктивит, врачи закапали в глаза, так что читать она не могла. Следователя это не смутило, он несколько раз звонил ей и угрожал отчислением из университета — разговоры девушка записала на телефон:

— Мне закапали в глаза, у меня сейчас лечение, я никак не смогу прийти, потому что я вообще ничего не вижу.

— И что теперь?

— Давайте я завтра подойду к вам, и мы все рассмотрим, завтра все сфоткаю. Какой толк мне сегодня приезжать, если я ничего не вижу?

<...>

— У вас больничный, понимаю, вы не придете, но я могу ответно направить представление в адрес деканата вашего. Вы этого сейчас хотите, что ли?

— Нет.

— Чтобы вас отчислили сейчас?

<...>

— Я еще раз вам объясняю: мне закапали в глаза сегодня в больнице, я не вижу, — девушка плачет.

— Ты не видишь, я тоже сейчас не вижу тебя.

— У меня острый конъюнктивит. Я могу заразить и вас, вы понимаете это? — продолжает плакать.

— Не придет сейчас, вправду отчислят... Родители бы ознакомились. Затягивают? Пусть затягивают — накажи ее! — предлагает голос на заднем плане.

<...>

— Вы рамки уже переходите потихонечку. Я смотрю, наглее стали, — продолжает Домиков. — Анастасия, адвокату звони, договаривайтесь. Он придет, посмотрит все, что ему нужно. Потом в четыре часа уедет в Чебоксары. А вечером я тебя

дождусь, мы с тобой все остальное просмотрим, ты распишешься.

— Я без адвоката все равно не приду.

— Как хотите тогда. Я все сказал.

Допрос Алексея Чугарова. Фото Никиты Васильева

Прокурор Артур Григорьев, представляющий сторону обвинения в суде, утверждает, что Раймова рассказала о побоях и угрозах только в декабре, через два месяца после случившегося: «В материалах органов следствия отсутствуют сведения о наличии у нее каких-либо телесных повреждений, в том числе заключение судебно-медицинской экспертизы. Это очень важно, ключевое значение имеет. Если человек утверждает, что ему нанесли побои, это как-то должно подтвердиться. А если следов нет, это только слова».

«Папа душил маму, мама ударила его черным ножом». Почему оправдание москвички, которая

> защищалась от пьяного мужа и убила его — это важный прецедент

Сама Анастасия говорит, что поначалу не хотела писать заявление на соседа и была уверена, что не напишет и он — после выписки Филиппова из больницы она попросила у него прощения за случившееся, потому что все произошло спонтанно и причинять ему вред она не собиралась.

По всем заявлениям Раймовой о побоях и угрозах ей отказали в возбуждении уголовного дела. Однако ей удалось выиграть в мировом суде — 6 марта в судебном участке №1 Ибресинского района Алексея Филиппова признали виновным в побоях (статья 6.1.1 КоАП) и назначили ему 60 часов обязательных работ. Сам Филиппов в суде раскаялся и признал вину.

«Называл шалавой?». Суд

Процесс по делу студентки Раймовой начался в Ибресинском районном суде 21 января 2019 года. Заходя в зал, многие свидетели говорили, что переводчик им не нужен, но во время допроса постоянно переходили с русского языка на чувашский и не понимали часть вопросов. Некоторые пришли в суд с похмелья — свидетель ссоры Алексей Чугаров признал, что выпивал накануне.

Потерпевший Алексей Филиппов еще во время очной ставки на следствии признал, что нанес студентке два удара по плечу (однако про угрозы говорить не стал). При этом Чугаров в суде продолжал говорить,

что, несмотря на весь выпитый им самогон, четко осознавал происходящее и уверен, что побоев и ударов не было. «Настя вышла из дома, подошла к Лешке, и он согнулся», — вспоминал он. По словам свидетеля, никто на девушку не орал, они ей спокойно пообещали: «Сейчас уйдем», — но сразу не ушли, потому что оставался недопитый самогон.

Свидетель Валерий Раймов в суде путал людей и время года — например, сказал, что вдову его двоюродного брата зовут Елена (а не Надежда), а инцидент произошел в мае.

— Почему ваши показания в суде противоречат тем, что вы давали следователю? — поинтересовался адвокат Тимофеев.

— Как было, так и есть.

— Называл Филиппов Раймову шалавой?

— Да.

— Почему в суде этого не говорите?

— Черт его знает, какие вопросы задаете.

Все свидетели утверждают, что не читали записанные следователем показания и подписывали их не глядя — потому что давали они их на чувашском, а следователь записывал на русском.

Защита настаивает на том, что по статье 37 УК (необходимая самооборона) причинение вреда при защите от общественно опасного посягательства не

является преступлением, а поэтому Раймова должна быть оправдана.

«Общественно опасное посягательство – это любое деяние, за которое лицо можно привлечь к уголовной или административной ответственности. В данном случае, даже если мы не докажем, что он угрожал ей убийством, то признаки административного правонарушения налицо. Они дали ей право на активную защиту», – объясняет адвокат Анатолий Тимофеев.

Перед заседанием 15 марта, на котором присутствовала корреспондент «Медиазоны», прокурор Григорьев сказал адвокату Мандрюкову, что признание потерпевшего Филиппова в побоях — манипуляция со стороны защиты: «Он [раньше] говорил, что она вышла и ударила, это вы, [адвокаты], потом песни напели, и он изменил показания».

По мнению прокурора, о самообороне здесь речи идти не может: «Если человек топором размахивает, наверное, вы можете с ножом на него напасть. Но если человек без ничего...». 2 апреля он попросил суд приговорить девушку к пяти годам условно.

3 апреля судья Валерий Козлов вынес приговор — он признал Анастасию Раймову виновной и приговорил ее к трем годам условного срока. Защитники уже пообещали обжаловать приговор.

Спустя полгода жители Чувашских Тимяшей о случившемся особо не вспоминают: все общаются, как и прежде, косо ни на кого не смотрят, говорит обвиняемая. Декану ее факультета об

уголовном преследовании студентки следователь Домиков рассказал еще до своих угроз, но никаких последствий у этого пока не было. Но в университете Анастасия Раймова сейчас почти не появляется, хотя должна писать диплом и готовиться к выпускным экзаменам — она говорит, что из-за суда и стресса думать об учебе уже не может.

Редактор: Егор Сковорода

Исправлено 15:52. В тексте было ошибочно указано, что Анастасии Раймовой 19 лет — на самом деле, она родилась в 1997 году, и сейчас ей 21 год.